

Снег ослепляет дважды

Алерия-Элиза Вейсс

18+

Восход: симулякры (дополнительные произведения)

Алерия-Элиза Вейсс

Снег ослепляет дважды

«Автор»

2026

Вейсс А.

Снег ослепляет дважды / А. Вейсс — «Автор», 2026 — (Восход: симулякры (дополнительные произведения))

Высоко в тибетских горах, среди снега, тишины и чужих молитв, встречаются двое людей, привыкших прятать свои раны. Сократ умеет лечить боль, Изольда — молчать о ней. Постепенно доверие превращается в связь, где забота граничит с властью, а близость становится сильнее здравого смысла. «Снег ослепляет дважды» — психологическая история о зависимости, одиночестве и человеке, без которого уже невозможно уйти.

© Вейсс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Снег ослепляет дважды

* * *

Сократ впервые увидел её в монастырской библиотеке — среди потемневших шкафов, свёрнутых рукописей и пыли, которую солнечные лучи превращали в медленно падающий золотой снег.

Изольда стояла к нему спиной. Высокая, жёсткая, слишком прямая для того, кто просидел над книгами весь день. Волосы были стянуты так туго, что становилось больно от одного взгляда. Правой рукой она переписывала тибетский текст в тетрадь, левой придерживала страницу. Пальцы двигались скованно.

Сократ остановился в дверях.

— Вы решили унести библиотеку по частям?

Карандаш дрогнул.

Изольда обернулась. В её лице прослеживалось усталое неодобрение, какое бывает у учителя, когда взрослый человек нарочно ведёт себя глупо.

— Я переписываю только то, что относится к погребальным обрядам.

— Тогда тем более. Мёртвые не обидятся, если вы закончите завтра.

— А настоятель?

— Настоятель, возможно, обидится. Но он сейчас пьёт чай с руководителем экспедиции и ещё час будет объяснять ему, почему нельзя вбивать металлические колышки возле стены святилища.

Она одарила Сократа задумчивым взглядом, решая, можно ли ему верить.

Почти все участники экспедиции уже знали, что доктор Ормандо не различает запреты и предложения. Он мог выслушать распоряжение, согласно кивнуть, а затем сделать по-своему — чужое мнение имело для него силу лишь до тех пор, пока не сталкивалось с его собственным.

Изольда закрыла тетрадь.

— Мне сказали дожждаться проводника.

— Я вас провожу.

— Вы знаете дорогу?

— Нет.

Она вздохнула и снова раскрыла тетрадь.

Сократ усмехнулся.

— Зато с меня не спросят.

В тот вечер он всё-таки вывел её из библиотеки. Но перед этим взял со стола одну из книг, полистал, задал несколько вопросов о переводе и уселся напротив, как если бы пришёл ради рукописей. Через четверть часа Изольда перестала отвечать односложно. Ещё через десять минут придвинула к нему свечу, чтобы он не щурился.

К лагерю они вернулись после заката.

Между белыми палатками ходил ветер. Он трогал растяжки, вздёргивал края брезента, забирался под одежду. Изольда крепче прижала к груди тетрадь и несколько раз остановилась на крутом подъёме, делая вид, что рассматривает расставленные вдоль тропы камни с молитвами.

Сократ не спрашивал, почему она отстаёт — просто замедлил шаг.

У медицинской палатки она оступилась, носок ботинка попал между камнями. Изольда выпрямилась прежде, чем он успел подать руку, но лицо на миг исказилось от боли.

Сократ заметил.

— Голеностоп?

— Всё в порядке.

— Я не спрашивал, в порядке ли всё.

— Тогда не спрашивайте вообще.

Он взглянул на неё с неожиданным интересом.

— Хорошо.

И действительно замолчал.

Только утром нашёл её возле кухни, поставил рядом жестяную кружку и сказал:

— Выпейте после еды.

В посудине была мутная, горько пахнущая жидкость.

— Что это?

— Яд. Удивительно медленный. Сначала уменьшает воспаление, потом проходит лет сорок — и человек умирает.

Изоolda поднесла кружку к лицу. Пахло полынью, имбирём и чем-то терпким, незнакомым.

— Вы всем пациентам так объясняете назначение?

— Только тем, кто заранее решил отказаться.

Она выпила.

Сократ улыбнулся едва заметно, одним уголком рта, и ушёл осматривать носильщиков.

Через несколько минут Изоolda почувствовала, что боль в суставах действительно притихла.

Экспедиция поднималась выше уже шестой день.

Официально они изучали способы лечения горной болезни в отдалённых поселениях и собирали сведения о местных лекарственных растениях, неофициально — каждый занимался своим. Руководитель пытался договориться с настоятелями монастырей, фотограф снимал всё подряд — лица, алтари, мёртвых яков, чужие завтраки, — а Изоolda переводила разговоры, переписывала тексты и временами исчезала в библиотеках.

Сократ лечил. Он мог сорок минут отогревать руки пожилого носильщика, а потом обзывать его безмозглым за то, что тот снял перчатки на ветру; мог всю ночь сидеть возле человека с отёком лёгких, утром убедиться, что опасность прошла, и тут же потребовать от больного сложить за собой одеяло.

Изоолду это забавляло.

Она тайком наблюдала за ним: поверх книги, из-за края кружки, через щель между палатками. Его руки были красивыми — длинные пальцы, выступающие косточки, тонкие голубые жилки. Руки человека, который умеет разрезать тело и не дрожать.

Однажды он поймал её взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Вы третий день смотрите на мои пальцы.

— Возможно, я выбираю, какой отрезать первым.

— Большой оставьте. Без него неудобно держать скальпель.

Она отвернулась, пряча улыбку.

В тот день у неё разболелись колени. К вечеру ноги стали тяжёлыми, непослушными, и каждый спуск отзывался глубоко под чашечками. Изоolda никому не сказала. В детстве за жалобы её укладывали на печь, накрывали старым одеялом и велели не мешать взрослым.

Мать всегда говорила:

— Боль любит тех, кто её замечает. Не замечай — и ей станет скучно.

Изоolda научилась ровно ходить, даже когда суставы горели; научилась не морщиться, не просить.

Мужчинам позволялось сердиться, женщинам — терпеть. Так было проще. По крайней мере, матери.

Сократ обнаружил её возле палатки, когда остальные ужинали. Изольда сидела на складном ящике и пыталась развязать ботинок. Пальцы не слушались.

Он опустился перед ней на корточки.

— Не нужно, — бросила она.

— Вы говорите это уже после того, как я начал.

— Я сама.

Сократ поднял голову.

Взгляд у него был спокойный, бесстрастный, но руку с шнурка он не убрал.

— Безусловно. Вопрос в том, зачем.

Он расшнуровал ботинок и осторожно снял его, придерживая стопу за пятку. Затем второй. Изольда сидела неподвижно, напрягшись так, что заболела спина.

— Колени, голени, стопы? — спросил он.

Она помедлила.

— Колени сильнее.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Вы ответили.

Он принёс из своей палатки мазь, ткань и небольшую флягу с горячей водой. От его ладоней пахло влажной землёй и растёртыми травами — тёплый, добрый запах, напоминавший весенний огород после дождя. Сократ объяснил, что утром выкопал несколько корней возле ручья. Их добавляли в согревающие смеси местные лекари.

— Вы уверены, что это не ядовито?

— Умрёте — признаю ошибку.

— Щедро.

— Я умею признавать ошибки. Особенно чужие.

Он говорил, пока уже в брезентовом убежище оборачивал её колени тёплой тканью. Рассказывал о растениях, которые прячут корни глубже камней, о старике из западной деревни, лечившем вывихи молитвами и отличным знанием анатомии. Изольда сама не поняла, как перестала следить за его руками.

Когда Сократ закончил, она уже не чувствовала прежней скованности.

— Спасибо, — выронила она.

Слово далось с трудом.

Сократ, вероятно, понял, а потому лишь прикрыл её ноги одеялом и сел рядом.

Внизу темнела долина. Облака лежали между склонами, закрывая землю, и казалось, что лагерь стоит на краю чего-то бесконечного.

— Вы всегда лечите людей, которые об этом не просят? — спросила Изольда.

— Люди редко просят вовремя.

— А если человек не хочет вашей помощи?

— Тогда я выясняю, почему.

— И если причина вам не понравится?

Сократ задумался. Не над ответом — скорее над тем, стоит ли произносить его вслух.

— Человек, которому больно, не всегда способен принять разумное решение.

— Значит, вы решаете за него?

— Иногда.

Изольда покосилась на него.

Он смотрел вниз.

— Это звучит отвратительно, — отметила она.

— Зато честно.

Почему-то именно эта честность и успокоила её.

Буря пришла ночью, но утром небо очистилось.

Снег засыпал камни, сгладил тропы и растяжки палаток. Солнце отразилось от белизны с такой яростью, что глаза заболели даже через тёмные очки.

Изольда потеряла свои на переходе.

Порыв ветра сорвал с саней брезент. Под ним лежали ящики с рукописями и собранными образцами. Один из ящиков съехал к краю тропы. Изольда бросилась удержать его, очки соскользнули, ударились о камень и исчезли в снегу.

Сократ выругался.

Не на неё — вообще. Коротко, зло. Поднял ящик, заставил двух носильщиков закрепить груз и снял собственные очки.

— Наденьте.

— А вы?

— Я должен повторять дважды?

— Вы должны признать, что любите слышать себя.

— Это не отменяет первого.

Она взяла очки, но к тому времени уже несколько минут смотрела на снег незащищёнными глазами.

К вечеру появились резь и слезотечение, потом стало больно моргать. Свет от керосиновой лампы казался раскалённой иглой.

Сократ осмотрел её, не скрывая раздражения.

— Почему вы сразу не сказали?

— Я думала, пройдёт.

— Разумеется. Организм обычно только и ждёт, чтобы его проигнорировали.

Он закапал глаза, наложил повязку и приказал не снимать её до утра.

Утром Изольда не смогла открыть веки.

Боль стала глубже. Глаза под веками жгло, перед ними вспыхивали белые пятна, хотя вокруг была темнота.

— Я ослепла? — выдавила она.

Сократ слишком долго не отвечал.

Она протянула руку, нащупала его запястье и сжала.

— Сократ.

Это был первый раз, когда она назвала его по имени.

Он накрыл её ладонь своей.

— Временно. Повреждена роговица. Несколько дней покоя, темнота, капли. Зрение вернётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.